11 (24) марта

Священноисповедник

Василий Малахов

Священноисповедник Василий родился 30 января 1873 года в деревне Дуброво Тиостянской волости Городокского уезда Витебской губернии в семье белорусского крестьянина Иакова Малахова. По окончании Витебского духовного училища Василий поступил в Витебскую Духовную семинарию, которую окончил в 1894 году. Василий намеревался продолжить духовное образование, но для этого ему нужно было выйти из крестьянского сословия. 10 июня 1894 года в волостном правлении состоялось собрание крестьян Щелбовского общества, к которому принадлежал Василий. Общество состояло из сорока восьми домохозяев и на сход собралось двадцать пять человек, имевших право голоса. В присутствии сельского старосты крестьяне выслушали «прошение крестьянина... деревни Дуброво Василия Яковлевича Малахова о выдаче ему увольнительного свидетельства для продолжения образования» и постановили выдать ему увольнительное свидетельство. В свою очередь Василий Яковлевич дал крестьянскому обществу подписку в том, что по прибытии в Московскую Духовную академию он не откажется «от вступления в нее, а по окончании академического курса – от вступления на духовно-училищную службу».

В 1898 году Василий окончил Московскую Духовную академию и тогда окончательно был исключен из числа крестьян Тиостянской волости. Поскольку Василий Яковлевич обучался за казенный счет, то он был обязан за четырехлетнее обучение прослужить шесть лет в духовно-учебном ведомстве, откуда он не мог быть уволен без особого разрешения Святейшего Синода. В 1899 году Василий Яковлевич был назначен преподавателем по кафедре сравнительного богословия и истории и обличения русского раскола в Волынскую Духовную семинарию. Василий Яковлевич был ограничен в средствах и не мог за свой счет проследовать к месту службы, и поэтому ему были выданы деньги на проезд и жалованье на месяц вперед, за что он дал обязательство прослужить еще два года в штате учебно-духовного ведомства.

В семинарии Василий Яковлевич, как широко просвещенный и глубоко верующий человек, пользовался большим уважением. В 1903 году он исполнял обязанности инспектора семинарии. В 1906 году он был перемещен на кафедру общей и русской истории.

В 1919 году семинария была закрыта пришедшими к власти большевиками, и Василий Яковлевич был приглашен в качестве преподавателя в Житомирское училище пастырства, но в ноябре 1922 года оно также было закрыто. В это время властью было создано обновленчество, которое энергично принялось захватывать православные храмы, и Василий Яковлевич стал его активным противником; ему часто приходилось выступать с докладами на епархиальных собраниях и вступать в переписку по вопросу истории и происхождения обновленчества, как и других раскольнических учений – самосвятства, баптизма, адвентизма и тому подобных.

Мечтая о принятии сана и церковном служении у себя на родине, Василий Яковлевич в мае 1923 года выехал в деревню Дуброво, но здесь выяснилось, что все священнические вакансии в ближайших приходах заняты, и он вернулся в

Житомир. 4 августа 1924 года он был рукоположен во священника к Иаковлевской церкви в Житомире и вскоре возведен в сан протоиерея.

В 1926 году стало известно, что священник приходского храма в селе Тиосто, в двух верстах от деревни Дуброво, отказался от служения Церкви, и отец Василий в ноябре 1926 года вернулся на родину и по избранию прихожан был назначен настоятелем этого храма. Жил он вместе с супругой Марией и престарелым отцом в деревне Дуброво, а служил в Тиосто, но поскольку селения были разделены озером, вечерни отец Василий служил дома, и на эти службы приходили кто хотел и имел возможность, а утрени и литургии – в храме. Сделав сознательно выбор служения Богу, протоиерей Василий ничего не боялся и как ревностно служил в качестве преподавателя богословия в семинарии, так столь же ревностно – пастырем.

В июле 1927 года помощник лесничего Степановического лесничества направил донос начальнику 10-го районного отделения милиции: «...в июне месяце... я... пошел на хутор в деревню Дуброво к Малахову Якову за подводой... по служебным делам, – писал он. – Пришел вечером часов в десять... В доме сидел сын Василий Малахов… В то время когда я только пришел в хату, этот самый поп кончал какую-то речь, я ее не понял, а после этой речи стал говорить другую, что вот, дорогие граждане... у нас настал такой свет, как когда-то был в Америке. Жили там индейцы, владели они озерами, лесами, ловили рыбу... а когда пришли европейцы, то отняли у них все и превратили в своих рабов. Так же и у нас настал такой свет... пришли большевики... отняли у нас все... Факт этот действительный, и не первый и не последний... этот поп является контрреволюционером, которому не только нельзя жить в тайном углу Меженского района... а и в пределах СССР».

Этот донос тогда же был переслан начальникам окружного отделения милиции и ОГПУ и сопровожден следующей просьбой: «Прошу принять соответствующие меры против священника Малахова. Если понадобится на Малахова материал, то таковой можно будет собрать».

22 июля последовало распоряжение начальника окружного отделения милиции: «Надо заняться этим типом и как следует разобраться».

После этого сотрудники ОГПУ стали допрашивать местных жителей, добиваясь от них нужных им показаний. 12 ноября один из таких свидетелей показал, что однажды во время похорон протоиерей Василий обратился с речью к собравшимся, сказав, что почивший не веровал в Бога, был заведен дурными людьми на неправильную дорогу, но перед смертью покаялся в своих грехах. «Далее священник Малахов выразился, что придет то время, что все враги нашей религии будут стерты с лица земли, и значит то, что священник Малахов надеется на англичан. После таких слов Малахов вышел на улицу, где были старики, коих он просил в случае какого-либо недоразумения, чтобы они его защитили... Далее священник Малахов на Радоницу... молился Богу за упокой... и тоже сказал, что вот, как люди в настоящее время говорят без всяких проволок и слышат друг друга, так эти покойники слышат нашу молитву. Вообще, священник Малахов враг советской власти».

Этих показаний оказалось достаточно для ареста священника, и 13 декабря 1927 года, когда отец Василий вернулся домой после хождения по приходу с требами, он был арестован сотрудниками ОГПУ. Обыск в квартире и сообщение, что он арестован, отец Василий встретил совершенно спокойно, заявив сотруднику ОГПУ: «Я принял сан священника недавно, но я принял его

совершенно сознательно, хорошо понимая, что я этим самым подписал себе ордер ГПУ на право у меня обысков и ареста, а возможно и ссылки».

Одновременно вместе с протоиереем Василием, во исполнение общего плана по уничтожению Церкви, были арестованы и заключены в витебскую тюрьму благочинный, священник и церковный староста одного из ближайших приходов.

Спустя несколько дней после ареста отца Василия, староста храма, посовещавшись с крестьянами-прихожанами, решил направить в Витебский окружной отдел ОГПУ ходатайство об освобождении арестованного пастыря. Безмерно уважая священника и будучи совершенно уверены в его невиновности, прихожане писали: «Мы, нижеподписавшиеся граждане Тиостовской церковной общины, поражены арестом своего духовного пастыря, отца Василия Малахова, так как, не видя в нем ничего противного власти, а наоборот, слыша от него в проповедях, что мы должны власти повиноваться, считаем его невиновным, а потому и просим власть его освободить».

Письмо было переписано во многих экземплярах, и члены церковного совета разошлись по деревням прихода, для того чтобы все прихожане могли под ним подписаться. Под письмом подписалось более трехсот человек, и оно было направлено в качестве ходатайства в ОГПУ.

Вызванный на допрос отец Василий, отвечая на вопросы следователя, сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и поясняю, что заседания церковного совета обычно бывали открытыми, с присутствием на них от одного до пяти посторонних лиц и на указанных заседаниях обсуждались исключительно приходские дела без всякого уклона в сторону политики. С пропагандой по приходу я никогда не разъезжал и никогда ею не занимался... О скором падении советской власти не только никогда не говорил, а напротив, и с церковной кафедры, и в частных разговорах говорил о... необходимости поминовения власти... В конце прошлого или начале текущего года на погребении... бывшего безбожника, потом покаявшегося и причастившегося, говорил речь исключительно религиозного характера против безбожия, положив в основу слова Священного Писания... Свой арест считаю непонятным для себя, и невольно является мысль, что моя энергичная пастырская деятельность могла возбудить против меня местные неверующие круги, которые сделали на меня донос, обвиняя в политических преступлениях. Считаю необходимым вызов свидетелей со своей стороны, которые мною будут указаны при детальном допросе по каждому отдельному пункту».

31 декабря 1927 года секретарь местной партийной ячейки и избач направил заявление в Витебское ОГПУ, в котором писал, что после ареста священника «церковный совет срочно созвал свое заседание... на котором, как видно, решили выручить своего попа... составили подписные листы... о его благонадежности и начали усердно собирать подписи среди населения... Этот вопрос вчера обсуждался у нас на закрытом заседании партгруппы, где поручили мне донести в Витебское ОГПУ о настоящих фактах и просить об аресте собирателей подписей и раскрытии лиц, созывавших закрытые собрания церковного совета без ведома сельсовета».

После этого начались допросы прихожан, подписавших прошение об освобождении священника; с особенным пристрастием допрашивали церковного старосту. Он долго не соглашался оговаривать священника, но после того, как сотрудники ОГПУ ему заявили, что при обыске у священника найдены

антисоветские документы, изобличающие его преступную деятельность, староста подписался под протоколом допроса: «Теперь я убедился, что Малахов Василий относится враждебно к советской власти... приговор, который я послал от общины с просьбой освободить Малахова, прошу... считать для судебного органа недействительным, о чем я поставлю в известность церковную общину...»

Вскоре староста выступил в церкви перед верующими. Священника «арестовали за то, – сказал он, – что он вел агитацию против советской власти, это доказано... тем, что у него при обыске нашли письма контрреволюционного характера... нам такой священник не нужен».

Документами, найденными при обыске сотрудниками ОГПУ, были отрывки из писем, которые протоиерей Василий писал разным людям, по большей части священникам. Он, например, писал, имея в виду григорианцев: «…С одним из епископов новой группы я нахожусь в переписке и имею сведения, так сказать, из первоисточника. Физиономия и характер новой группы мне ясны. Некоторые из епископов ее из Москвы уже возвратились на свои кафедры. Однако думаю, что отношение к группе со стороны православного населения будет такое же, как и к обновленчеству. Третьего дня я получил резолюцию митрополита Петра на представлении группы, где он устраняет бывших местоблюстителей, Сергия и других, и назначает трех новых из группы, все-таки верховные права оставляя за собой. Очень странно! Подкладки всего этого мы, конечно, не знаем. Во всяком случае, это последнее распоряжение Петра (если я о нем имею точные сведения) юридического значения не имеет: как лица, находящегося не на свободе, как никем не уполномоченного свое местоблюстительство передавать другим лицам. Мы, значит, в отношении ко всем этим действиям митрополита Петра сохраняем за собой полную свободу.

Принимая во внимание прецеденты истории, думаю, что указанный опыт соглашательства еще не последний. И судьба его будет та же, что и всех предшествующих: никогда компромиссы и уступки цели не достигали и ни одной из сторон не удовлетворяли...»

В других сохранившихся отрывках писем читаем: «Написал уже два листка, а между тем писать еще много. Постараюсь остальное вместить в этот листик. Мне кажется, что, опуская псалмы в начале утрени и вставляя вместо них или полунощницу или утренние молитвы, Вы делаете правильно и хорошо. Начало утрени – специальное моление о царе: какой оно имеет смысл ныне? Анахронизм, ничем не вызываемый. Превращать же это моление в своего рода демонстрацию (как делают некоторые) неумно. Что же касается совершения Вами Преждеосвященных в понедельник или вторник, или в какой-нибудь другой день, не указанный уставом, то этого я не одобряю. Нельзя идти против традиций Церкви Православной и нарушать их самовольно. На что анахронизмом являются ектении и молитвы об оглашенных, но и их самовольно выбрасывать нельзя.

Вопрос об отношении Православного Востока к обновленчеству меня очень интересует, и прежде я имел возможность следить за деталями этого отношения. Теперь, к сожалению, этой возможности я не имею. Корреспонденты по этому вопросу почему-то не пишут. Что на Востоке обновленчество кредитом не пользуется, в этом я глубоко убежден; что восточные патриархи, которые с нашими обновленцами обмениваются любезными посланиями, с ними не будут вместе молиться, это, кажется, тоже не подлежит сомнению; что во всех этих любезностях с Востока проявляется обычная политика “восточных человеков”, надежда на “бакшиш”; что на восточных наших братий в сторону обновленчества

есть давление со вне: опять и этого отрицать нельзя... но доказать все это, так сказать, с поличным в руках, мы не имеем возможности, потому что разобщены с Востоком. Когда я с глазу на глаз говорил с людьми, близкими к Востоку, они все выше написанное подтверждали и разъясняли, теперь же письменно продолжить свои сообщения стесняются...»

«...Вы говорите: как разобраться полуграмотному попу во всех дрязгах обновленцев с тихоновцами? Нечего и разбираться – надо только идти прямым путем и иметь чистую совесть. Логика простая: “теперь смута, разные споры, новые проекты и тому подобное. Если я вмешаюсь во все это, легко могу заблудиться. Я исповедаю свою веру во Святую Церковь. Она всегда была, есть и будет до скончания века. И наша Русская Церковь – святая, что доказывается сонмом великих праведников, бывших в ней, из коих один недавний – преподобный Серафим. Поэтому буду и я верно держаться Предания. В основу возьму святое Евангелие, а в руководство “Кормчую”, или “Книгу правил”. Тогда я буду спокоен. Тогда я не погрешу. Может быть, кое-какая чистка в Церкви и надобна – ее и сделаем, когда наступит более спокойное время. Когда буря на море, не время заниматься уборкой корабля”. – Но не так обычно рассуждают полуграмотные попы. Лукавая совесть сейчас же начинает смущать их: смотри, куда лучше пристать, смотри, где выгодней, где безопасней и тому подобное. И они мечутся из стороны в сторону. И достигают как раз обратных целей: вместо выгоды – постоянные тревоги и неприятности...

“Осанна”, а завтра: “распни”. Верно. И Господь Иисус “не вверял Себя им”… Ничто человеческое непостоянно. Никогда пастырь не может положиться и на своих пасомых, на их преданность ему. Одна только есть незыблемая скала на земле – Церковь Христова. Ее должен, несомненно, и держаться каждый, соблюдать веру и верность ей. Тогда он может быть вполне уверен, что Великий Кормчий Церкви не оставит его в беде. Это – истинно, неоспоримо. Только вера! Хоть маковое зернышко! Не смущайся временными бедствиями и “будь верен до смерти”...»

14 января 1928 года следователь вызвал на допрос заведующего избой-читальней, и он показал, что вскоре после приезда священника Василия Малахова до него «начали доноситься слухи, что... приехал батюшка, служит хорошо и говорит хорошо. Я начал прислушиваться к населению, посещавшему церковь, расспрашивать, как служит, что говорит. Работая в избе-читальне, мне приходится иметь больше дела с молодежью. Однажды девушки, придя вечером в избу-читальню, говорят мне: “Знаешь что? Поп в церкви говорил, чтобы молодежь не ходила на кино и в избу-читальню петь комсомольские песни, называл их антихристианскими”.

Был и такой случай. Староста церковный приходит в наш Половский кооператив и спрашивает у председателя: есть ли у вас дешевенькие платочки головные; на вопрос: зачем, он ответил, что батюшка хочет подарить их девушкам, которые ходят петь в церковь...

В 1926 году на Рождество – мне передавали – что Малахов в проповеди перед народом выразился так: “Мы сегодня не будем вспоминать Калининых и Червяковых, а будем вспоминать нашего дорогого Господа Иисуса Христа...”».

В начале февраля 1928 года сотрудники ОГПУ составили обвинительное заключение: «Принимая недостаточность собранных по делу доказательств для передачи дела в общесудебном порядке, но усматривая их социальную

опасность... настоящее дело направить... на внесудебное разбирательство Особого Совещания при Коллегии ОГПУ...»

5 февраля 1928 года протоиерей Василий направил в Витебское ОГПУ заявление, в котором писал: «...4-го сего февраля следователем... мне было объявлено, что следствие по моему делу закончено. Объявление это явилось для меня некоторою неожиданностью, так как после третьего допроса, бывшего 6 января, я ждал еще четвертого... На четвертом же допросе я хотел сделать некоторые дополнительные показания и разъяснения.

Прежде всего я хотел выяснить вопрос об “англичанах”, о которых упоминалось мимоходом на втором и третьем допросах, причем на втором допросе мне ставилось в вину, что я “говорил об англичанах”, без указания места и времени моей речи, а во время третьего допроса уже определенно было сказано, что об англичанах я говорил на погребении... Сначала я никак не мог припомнить: к чему приплелись “англичане” в погребальной речи, но потом ночью, после третьего допроса, наконец припомнил: да, об англичанах я упоминал. Речь моя была направлена против неверия, безбожия. Приводя доказательства против неверия, я сказал между прочим следующее: “Вам говорят, что в Бога веруют только люди неученые, невежественные, а ученые в Бога не веруют. Неправда. Я сейчас могу назвать много ученых людей, которые верили в Бога; но не буду затруднять вас, укажу вам только на другие народы: немцев, англичан, американцев. Они образованней нас, а между тем в Бога веруют, особенно англичане. Как свято англичане чтут воскресные дни! Никто не работает; в праздничные дни они посещают свои церкви, а дома старшие читают святую книгу – Библию, а младшие слушают”.* Так вот откуда взялись “англичане”! Интересно только, в какую концепцию поставил их в моей речи корреспондент ОГПУ?!

На третьем же допросе мне было указано на мои слова на погребении: “...будьте свидетели, что я ничего не говорил против власти”. Припоминаю, что эти слова были сказаны, однако не во время самой речи, а на дворе, после отпевания покойника. Было так: два-три человека из присутствующих обратились ко мне с предупреждением: “Батюшка, не трогайте вы этих безбожников, сделают они вам какую-нибудь беду”. На что я ответил: “Что ж! Пусть делают! Власть дала нам полную свободу вести религиозную и антирелигиозную пропаганду; я говорил против безбожия; пусть на меня клевещут; против власти я не говорил: вы сами тому свидетели”. Подобная же реплика со стороны моих слушателей и такой приблизительно ответ мой один или два раза бывали и после богослужения в церкви, когда я громил хулиганство, страсть к сквернословию, нравственную распущенность и прочее деревенской молодежи. Слушатели имели основание меня предупреждать – до меня не раз доходили угрозы части распущенной молодежи по моему адресу...

Вообще же, в результате всех следственных допросов по моему делу... я считаю долгом заявить, что считаю себя совершенно невиновным в предъявленных мне обвинениях. Доносы с места и другие данные, которые мне были предъявлены на следствии, не имеют под собой никакого фактического основания или же ошибочно понимаются... Несомненно, мои показания подтвердили бы и свидетели, которых я мог бы представить в случае судебного разбирательства моего дела...»

---

* Таковы были общие представления о европейцах, почерпнутые в основном из художественной литературы и давно не соответствовавшие действительности XX века.

28 февраля 1928 года отец Василий направил новое заявление в ОГПУ: «13 декабря минувшего года я был арестован агентом Витебского ОГПУ; с того времени уже два месяца томлюсь в исправдоме, обычным порядком подвергался допросам в ОГПУ... Все это время я внимательно относился ко всему происходящему, тщательно анализировал свою минувшую жизнь в отношении ее политической благонадежности, старался проникнуть в суть предъявленного мне обвинения – и тем не менее доселе никак не мог понять: за что я арестован, в чем меня обвиняют?.. Внук и сын бедных крестьян, я на примере своих деда и отца видел произвол власти помещиков, видел многие неправды бывшего социального строя, на себе самом я испытал, как трудно было мне, крестьянскому мальчику, пробивать себе дорогу! В годы учения сколько приходилось мне переносить незаслуженных обид, проглотить горьких слез! С детства, с молоком матери в мою кровь всосались, с одной стороны, отвращение ко всякому насилию, ко всякой социальной несправедливости, социальному неравенству, с другой стороны – любовь к народу, то “демократическое направление”, которое отмечалось во мне моими недоброжелателями и часто ставилось мне на вид. Я жил и служил всегда с мыслью окончить жизнь у себя на родине, на своем родовом хуторе, среди родной природы... За тринадцать месяцев службы на родине я старался принести посильную пользу своему родному приходу. Спрос на мой труд был, и я удовлетворял его честно, соответственно своему званию и служению. Не умолкая я звал своих пасомых быть хорошими христианами и честными гражданами, чуждыми современных недостатков: нравственной распущенности, хулиганства, бандитизма и тому подобного. Особенно я звал к этому молодежь. Слово вражды, агитации против советской власти с моих уст никогда не сходило. Власть для меня всегда была “Божьим установлением”, существующим и действующим по воле Божией...

Конкретных обвинений в том, что я возбуждаю население к массовым волнениям... на следствии мне не было предъявлено. Я не считаю серьезным обвинением 2-3-4 доноса с места, будто бы я говорил, что “советской власти наступит конец”, что вообще “агитировал против власти” или что-то в этом роде. Потому что обстановка, в которой мне приписывается произнесение этих слов, в доносах на меня рисуется до того неподходящей, до того не соответствующей приписываемой ей цели, что отпадает и самая вероятность преступления! Это я разъяснил в личных показаниях, которые далеко не все были зафиксированы в следственных протоколах... это же с очевидностью могли бы показать и свидетели, коих я мог бы представить и с просьбой о вызове коих обращался к следственной власти. Что больше имеет силы: жалкие доносы 2-3-4 лиц, руководимых предвзятым предубеждением против “попа”, или голос сотен людей, свидетельствующих противное?! Я взывал и взываю к гласному разбору моего дела – света гласности я не боюсь, – но этого допущено не было. Как же? Чем мне оправдаться? За меня подал ходатайство мой приход. Этого ходатайства я не читал, однако уверен – в нем с достаточной ясностью подчеркнут характер моей деятельности в приходе, именно: на что эта деятельность была направлена – на политическую ли сторону жизни или религиозно-церковную. Все интересы мои и вся работа моя в приходе вращались в сфере жизни религиозной.

...Я покорнейше прошу Полномочное Государственное Политическое Управление... аннулировать мое дело, а меня освободить от незаслуженного мною заключения в исправдоме... если же высшая власть найдет что-либо невыясненным в моем деле, то покорнейше прошу подвергнуть его гласному

судебному разбирательству, чтобы я сам мог видеть, в чем меня обвиняют, равно как мог бы и своими разъяснениями и свидетельскими показаниями установить свою невиновность. Возможных наказаний и лишения я не боюсь, но, прежде всего и больше всего, я ищу правды. Я верю, что эта правда есть и высшая власть ее мне окажет».

После заявления священника дело вновь поступило на рассмотрение ОГПУ и прокуратуры, и 19 марта 1928 года прокурор в своем заключении написал: «...несмотря на отсутствие в деле достаточных улик для предания обвиняемых суду... пребывание их... в пограничной полосе, а равно и на свободе вообще, является в настоящее время социально опасным, а посему полагал бы настоящее дело направить в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для внесудебного рассмотрения и заключения... обвиняемых в концлагерь на сроки по усмотрению Особого Совещания».

18 мая 1928 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протоиерея Василия Малахова к трем годам ссылки в Сибирь, и он был направлен этапом в город Нижне-Удинск в Восточной Сибири. 30 мая 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило священника к лишению права проживания в двенадцати крупных городах с областями, а также в Чите и в Омском районе, и после окончания срока ссылки он уехал в село Абрамово Арзамасского района Нижегородской области, где поселился вместе с сопровождавшей его в ссылке супругой. Крестьяне его хорошо приняли, увидев в нем ревностного и просвещенного пастыря, и многие из них стали приходить к нему с вопросами и побеседовать на духовные темы. Живя в селе Абрамово, отец Василий ходил молиться в местную церковь, где сослужил приходскому священнику. Как ссыльный, отец Василий пользовался большой любовью и состраданием местных жителей, и со временем у него завязались с ними настолько близкие отношения, что они уже не прекращались и после того, как кончился срок ограничений в месте проживания и священник с супругой Марией уехали в местечко Усвяты, расположенное неподалеку от деревни Дуброво. Крестьяне продолжали переписываться со священником, по возможности помогая ему продуктами.

Пребывание в различных местах в ссылке, часто там, где не было храмов, уменьшение и закрытие храмов в России, так что уже на огромные пространства с каждым годом их становилось все меньше и меньше, а верующий народ нуждался в них и жаждал услышать проповедь слова Божия, привели отца Василия к убеждению в необходимости проповедовать именно в таких местах и селениях. В некоторых таких селах у него были духовные дети, и когда он приезжал, в один какой-нибудь дом сходились верующие и совершались богослужения. Бывало, что сотрудники НКВД узнавали, что в село приехал священник, и пытались арестовать его, но не было случая, чтобы его выдали верующие, они скрывали его от преследователей и переправляли в безопасное место. Сам отец Василий служил каждую субботу и воскресенье у себя дома в Усвятах, литургию служил на антиминсе, который ему дал при наступивших гонениях архимандрит Герман (Вейнберг), впоследствии епископ Алма-Атинский, хорошо знакомый ему по Житомирскому пастырскому училищу. Псаломщиком во время богослужений была его супруга.

Из Усвят священник с супругой довольно часто ездили в Москву, останавливаясь у родственников. Бывая в Москве, отец Василий иногда заходил в храм в честь святых мучеников Адриана и Наталии, где настоятелем служил

священник, знакомый ему по Волынской Духовной семинарии, у него он по благословению Патриархии брал святое миро, чтобы совершать таинство крещения.

8 февраля 1936 года отец Василий также зашел в этот храм, где встретил диакона Михаила Толузакова, который, как секретный сотрудник НКВД, представлял в то время смертельную опасность для человека. Отец Василий немного побеседовал с ним и ушел, но уже на следующий день он и его супруга были арестованы сотрудником НКВД Булыжниковым и после первого же допроса заключены в Бутырскую тюрьму в Москве.

– Какую цель вы преследовали, храня у себя антиминс? – спросил у священника следователь.

– В случае закрытия всех храмов или невозможности совершать богослужение в храме, я имел в виду совершать богослужение у себя на квартире.

– Совершали ли вы богослужения у себя на квартире и на квартирах верующих?

– Проживая в местечке Усвяты, я действительно совершал богослужения... у себя на квартире. В квартирах верующих я богослужений не совершал, причем обязанности певчей выполняла моя жена.

– Ваше отношение к советской власти и ее мероприятиям – Советскую власть я признаю и подчиняюсь ей, но, как христианин, очень сокрушаюсь, что при советской власти закрываются храмы и постепенно уничтожаются христианские святыни, ввиду общего оскудения веры.

– Чем вы занимались в настоящее время и на какие средства существовали до ареста?

– Я в настоящее время проживал без определенных занятий. Живя в местечке Усвяты Западной области и посещая своих родных... по дороге совершал те или иные требы по просьбе местных граждан. Существовал я на средства, присылаемые мне родными, отчасти знакомыми, и на те материальные приношения, которые время от времени доставляли мне мои бывшие прихожане.

– Что вы рассказывали о своей деятельности духовенству церкви Адриана и Наталии в Москве при беседе с ними в храме 8 февраля 1936 года?

– Изложенное в предыдущем ответе я рассказывал обратившимся ко мне с вопросами священнику и диакону, называя это свое дело апостольским делом.

– Говорили ли вы тогда, что имеете в разных местностях СССР многочисленных духовных детей, периодически навещаете их и совершаете в их домах тайные богослужения?

– О том, что я имею духовных детей в разных местах СССР, я не говорил, но говорил, что в Горьковском крае, в том селе, в котором я отбывал минус 12, я имел порядочное количество добрых знакомых, которые в свое время меня материально поддерживали с одной стороны как ссыльного, с другой стороны, как нештатного священника, часто совершавшего богослужения в их храме. Эти лица моими духовными детьми никогда не были.

– Следствию известно, что вы, находясь без определенных занятий, ездили и ходили к своим многочисленным почитателям и на их квартирах совершали тайные богослужения. Почему вы скрываете это от следствия?

– За истекшие два года я всего два раза ездил в Москву... в город Арзамас, в село Абрамово... в село Андосово Пильненского района... В предъявленном мне обвинении... виновным себя не признаю. Сторонником ИПЦ никогда не был, что

удостоверяется официальными документами Московской Патриархии и другими, находящимися в руках следствия.

В те же дни была допрошена супруга отца Василия Мария, которая показала, что, действительно, ее муж совершал в их квартире богослужения, в которых она принимала участие в качестве псаломщицы; на богослужениях присутствовали духовные дети отца Василия, верующие из бывших его прихожан, а также крестьянки из деревень, отстоящих от их местечка на 15-20 верст. Однако, участвуя с мужем и его духовными детьми в богослужениях, антисоветской агитации и разговоров против советской власти они не вели.

Затем были допрошены свидетели – священники храма святых мучеников Адриана и Наталии и диакон Михаил Толузаков, который закончил свои обширные показания словами, будто бы сказанными ему отцом Василием, что он служит там, «где совершенно нет священников, где закрыты православные храмы, где больше страждущих по православной вере… Я готов в любое время пострадать за веру православную, но, как пастырь, буду говорить правду народу о том, что советская власть поставила своей задачей уничтожение православия в России».

25 марта следствие было закончено. Священник и его супруга были обвинены в том, что, будучи враждебно настроены против советской власти, систематически проводили антисоветскую агитацию, организовывали тайные моления и распространяли контрреволюционные провокационные слухи о якобы проводимом гонении на верующих в СССР.

16 апреля 1936 года Особое Совещание при НКВД приговорило их к пяти годам ссылки в Северный край, и они были отправлены сначала в Архангельск, а затем в город Каргополь Архангельской области, где, предполагалось, они пробудут все время ссылки. Священник Василий Малахов скончался 24 марта 1937 года в городе Каргополе и был погребен в безвестной могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Март». Тверь. 2006. С. 128-143